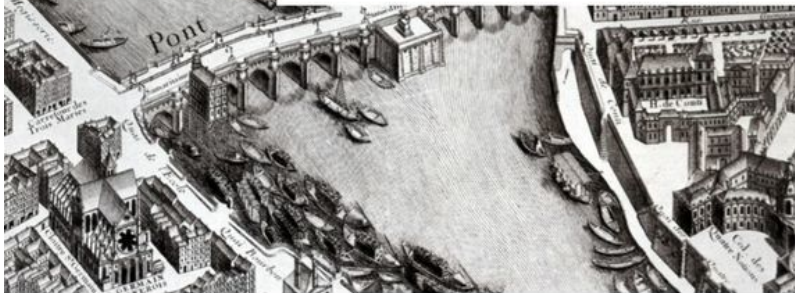

Аполлон Безобразов

Собаки на Сене

Аполлон Безобразов

Собаки на Сене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9366939

ISBN 978-5-4474-0643-1

Аннотация

«Собаки на Сене» – трагическое путешествие по парижской Сене. Месяцы унылых передвижений на барже по водам реки оборачиваются прозрением лирического героя и осмыслением им личной драмы. Оказывается, иногда мы не знаем о том, что с нами уже произошло.

Собаки на Сене

Печальное путешествие

Аполлон Безобразов

© Аполлон Безобразов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Из тех месяцев, что мы жили на барже, я лучше всего запомнил бесконечный дождь, миазмы Сены, затхлый запашок отсыревшей древесины и несвежих носков. Дождь шел сутки напролет. Сколько это продолжалось? Вечность. Так не свойственно Парижу и так естественно для нас с тобой. Дождь баюкал, дождь раздражал, заставлял кутаться в свитера и шапки, делал все призрачным и сюрреальным. Постоянный насморк и боль в горле, холодные влажные ноги, посиневшие губы и парок изо рта – это то, что я помню лучше всего из того мгновения вечности. Приходилось экономить на топливе: не так уж много дров и угля оставила нам хозяйка этой развалины. Мы дрейфовали от причала к причалу, не останавливались подолгу на одном месте. Нехитрую снедь и вино мы покупали у береговых торговков, реже – выходили на набережные. Еда – не всегда свежая, коньяк (а уж тем более вино!) – часто разбавлен. Но это был наш с тобой рай. То

время, где мы остались навсегда. Те месяцы длятся до сих пор. Осколки тех моих розовых очков я храню в конверте из плотной бумаги.

Абсолютно голые, свежeweмытые и выбритые мы лежали на своем матрасе под всем этим тряпьем, которое досталось нам в наследство от прежних обитателей баржи. В изголовье – три огромных белых свечи. Ты – на спине – что-то мурлыкал под аккомпанемент своего mp3-плеера. Я – на животе, на локтях – в который раз перечитывал Миллера (единственная книга на русском, которую я соизволил взять с собой – увесистый второй том «Розы распятия», с шестой главы «Плексуса»). Фоном – бесконечная влага, висящая в уже прохладном воздухе, хлюпающая по реке, стучащая по жестяной крыше, просачивающаяся кое-где, но влага здешняя, только наша, ничья больше.

Часам к двум ночи ты избавлялся от наушников и почти сразу же начинал сопеть. Твой, по-детски скорый и глубокий, сон окутывал тебя всего, успокаивал и примирял. Периодически – вздохи, какие-то почти всхлипы и стоны, невнятные возражения и забавные позы. В этой тесноте нашего незамысловатого ложа мы раскалялись друг на друге, становились влажными и липкими. Хотелось отстраниться друг от друга, но, наоборот, объятия становились еще крепче, ноги сплетались в узлы, носы и рты (невинная струйка слюны!) утыкались в шеи, уши и подмышки. Мы пропитывались друг другом. И, конечно, дождем, унылыми сигналами проходя-

щих суденышек, шумом с берега, гнилостными запахами Сены и палой листвы.

Свечи я обычно задувал, когда занимался рассвет. Даже не рассвет, а эта необыкновенная серая, полупрозрачная, мутноватая пора. Часто все становилось белым от поднимающегося с реки пара и тумана. Три-четыре моих выдоха и помещение заполнялось таким сладким запахом потухших свечей и остывающего воска. Это напоминало детство и новогодние каникулы. Все пропитывалось волшебством и сказкой. Даже чудился запах елки и шоколада. Хотя... какой уж тут шоколад!

Растревоженный этим ароматом, ты на мгновение просыпался и сгребал меня в охапку, буквально подминая меня под себя. Мою шею щекотало твое горячее, кисловатое со сна дыхание. Я тихонько начинал выпрашивать:

– Саша... Саша... (ударение, конечно же, на последнем слоге)

Ты мычал и, наверное, начинал сердиться. Впрочем, ты никогда не говорил мне, что этот предрассветный ритуал раздражает тебя.

– Саша, Аполлинер...

Ты с шумом выдыхал и говорил:

– Спи, – и крепче прижимался к моей спине (горячий пах у ноги, птичка сердца в правой руке), так и не прочитав мне на сон грядущий. Этого и не требовалось – просто сонный ритуал, чтобы скрепить объятия. А когда мы проснем-

ся, будут и Аполлинер, и Верлен, и Бодлер. И все в оригинале, с твоим нарочитым грассированием, почти неуместным здесь, но так забавляющим меня.

А пока я засыпаю под нестройную музыку дождя и сладкий аромат остывающих свечей. И мне уже снится совсем другая реальность, которую я сочиняю для нас:

«Теоретик любви. Не практик, не отчаянный экспериментатор. Просто погрязший в своих размышлениях, принявший мысли за реальность, проживающий радужные дни в воображении, как в компьютерной игре. Делающий правильные ходы, получающий призы и бонусы. Но... не на самом деле, только в мечтах. Во снах. В видениях. На бумаге. На мониторе. Сотни текстовых документов, архивов, записных книжечек, обрывков бумажесных... На самом деле, в реальности – ни движения рукой, ни вдоха настоящего, ни слезиночки... Весь этот выдуманый любовный трепет, ночной сбивчивый шепот, дрожь в руках, во всем теле... Всего этого нет в действительности, но оно настолько мне дорого, настолько оно мое, мое самое настоящее, мое драгоценное, мое единственное, что есть у меня... Все мои многоточия... Мои запятые, восклицания. Ненавижу точки! В жизни все может закончиться, может закончиться сама жизнь. На бумаге же, в мыслях моих – все вечно. Ты не предашь меня, не обидишь ничем. Там мы всегда будем вместе... Там никто до нас не доберется, не сможет поме-

шать нам любить друг друга. Не покажет нам, что за окном уже весна со всем ее сифилитическим разложением, гнилью ее оттаявшей. Мы вечно будем верить в зиму, кутаться в одеяло, обнимать друг друга, дышать друг другу в спину, на ухо, чувствовать руки, холодные ноги... Нам так хорошо вдвоем в этой вечной зиме, в этой бесконечной спячке. В мертвой тишине натопленного дома (только треск дров в печи да капли из умывальника). Нет этой пошлой красочности, ядовитой зелени, теплых дождей, такого синего неба, что глаз не поднять... Нет внешнего. Только я и ты. И наше дыхание... И глаза еще сонные. Улыбающиеся. Кричащиеся уголки рта. Сухие утренние поцелуи.

Моя теория – дороже мне моей практики. Мечта милее мне действительности. Мои фантазии реальней моей реальности! Мои слова произнесенные емче слов ежедневных, постылых, бессмысленных. Троекратно прокричать вслух «я люблю тебя» – ничто рядом с внутренним шепотом «я люблю тебя»... Это всегда будет звенеть в моей голове, не лопнет в воздухе мыльным пузырем. Любой жест приятней, правдивей, когда он сделан мысленно. Мне смешны движения рук наяву. Мне смешны взгляды кроткие, нелепо повисшие или застывшие в воздухе, не нашедшие себе места руки... Все это так бессмысленно. Жутко бессмысленно. Жестоко бессмысленно. Мне страшно без смысла... а его не передать вслух, не облечь в текст... Он во мне. Как и ты. Ты и есть мой смысл. В реальности тебя нет, внутри ме-

ня же... только ты. И немного, совсем чуть-чуть меня...»

***

Было около четырех часов дня, когда мы проснулись, разлепили склеенные похмельным потом тела, продрали зенки. Голова моя была пустой как чугунок, и такой же тяжелой. Тошнота, смрад, отекающая рожа. Я покосился в угол на почти пятилитровую бутылку с адским пойлом, которое мы пили полночи – не то бренди, не то ром, впрочем, эффект совершенно невероятный, так что ни на что этот напиток не похож – и вспомнил, что мы снова подрались. С чего все началось-то? Помню лишь, что в самом начале попойки, разговор был натянутым, с нотками-ноготками взаимных обид и упреков. Полное непонимание друг друга. Мы говорим на разных языках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.